

ных районах Закавказья. И кто знает, останься живы оба автора тифлиских экономических проектов, не привело ли бы их соперничество (или соревнование) к началу развития промышленности в Грузии еще в первой половине XIX века?

Как часто бывает в литературоведческих исследованиях, обнаружение новых фактов в жизни писателя и в истории его произведений влечет за собой и новые вопросы, общие и частные. Ведь даже соотнесение Проекта РЗК с единственным только явлением современной Грибоедову экономической жизни Грузии уже открывает перспективу возможных поисков. Тем более что далеко не все документы, касающиеся жизни Грузии конца 1820-х годов и пребывания Грибоедова в персидской миссии в Табризе, изучены или даже известны. А так называемый английский след в истории гибели Грибоедова обретает в связи с Кастелло и его альянсом с англичанином Монтейном еще один штрих. Ведь развившаяся Закавказская компания стала бы серьезным конкурентом английской торговле в Персии. И это могло сильно настаивать англичан при их знакомстве с планами Грибоедова о ее создании и служить своего рода катализатором нового витка их враждебности к нему. Что также могло влиять и на растущее недоброжелательство по отношению к Грибоедову со стороны правительства Шаха в январе 1829 года.

Что же касается самого Проекта РЗК, он продолжает оставаться самым непроясненным местом в творческой биографии Грибоедова. Обращение писателя к экономической проблематике и создание Проекта, несомненно, было связано с глубокими личными процессами последних лет его жизни, возможно даже, с творческим кризисом, понятие о котором дают его письма С. Н. Бегичеву летом 1825 года.²⁰ Ведь после 1824 года ни один из замыслов задуманных им новых произведений не был осуществлен (но эта проблема выходит далеко за рамки предлагаемой статьи).

Гораздо очевиднее, что Проект мог быть связан с обдумыванием своего будущего, возможными поисками нового поля деятельности, достаточно широкого и полезного. Ведь известно, что назначение послом в Персию и перспектива службы в этом качестве тяготили писателя, а о его планах, уволившись от службы, поселиться в Грузии сохранились свидетельства современников.

Между тем интерес к Проекту РЗК, нельзя сказать чтоб очень глубокий, но все же проявляется в последние десятилетия, когда возросло внимание к фигуре Грибоедова-деятеля, а не только литератора, как пример деяния, соответствующего масштабу его личности. Но реализуется он пока, надо признать, в рамках исключительно экономических, никак не затрагивая общие проблемы развития творчества писателя.

²⁰ Там же. С. 97–99.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-159-162

© П. Р. Заборов

Э. РЕНАН И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА (ПО РУКОПИСНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Эрнест-Жозеф Ренан (Ernest-Joseph Renan, 1823–1892) — выдающийся французский филолог, историк религии, философ, писатель и публицист, разнообразная творческая деятельность которого оставила заметный след в европейском умственном движении и культурной жизни второй половины XIX века.

Первоначальное образование Ренан получил в различных католических семинариях и готовился стать священником, но в 1845 году совершенно и навсегда порвал с клиром и решил всецело посвятить себя науке. На первых порах это была философия,

позднее интересы Ренана сместились в сторону филологии, затем главным направлением его раздумий и разысканий надолго сделалась история религии и прежде всего история происхождения христианства, что, впрочем, не исключало дальнейшего расширения его научного кругозора и новых увлечений и открытий.

Печататься Ренан начал в 1847 году и в дальнейшем публиковал свои труды почти непрерывно, книгу за книгой, сборник за сборником, статью за статьей. Только простой их перечень, не говоря о бесчисленных переизданиях, занял бы не один десяток страниц; укажем лишь несколько главных: это «Аверроэс и аверроизм» («Averrhoès et l'averrhoïsme», 1852), «Жизнь Иисуса» («Vie de Jésus», 1863), «Апостолы» («Les Apôtres», 1866), «Святой Павел и его миссия» («Saint Paul et sa mission», 1867), «Антихрист» («L'Antéchrist», 1873), «Евангелия и второе христианское поколение» («Les Evangiles et la seconde génération chrétienne», 1877), «Христианская церковь» («L'Eglise chrétienne», 1879), «Марк Аврелий и конец античного мира» («Marc-Aurèle et la fin du monde antique», 1881), «История народа Израиля» («Histoire du peuple d'Israël», 1889–1890), «Командировка в Финикию» («Mission en Phénicie», 1864–1874), а также «Философские драмы» («Drames philosophiques», 1878–1886) и «Детские и юношеские воспоминания» («Souvenirs d'enfance et de jeunesse», 1883).¹

С начала 1850-х годов интенсивная деятельность Ренана как ученого обратила на него внимание руководства парижской Национальной библиотеки, штатным сотрудником которой он вскоре сделался и продолжал эти занятия вплоть до 1861 года, когда был назначен профессором Коллеж де Франс. Это знаменитое учреждение Ренан, однако, вынужден был в 1863 году покинуть, поскольку его лекционный курс был запрещен правительством под давлением раздраженных его свободомыслием клерикалов. Однако через семь лет Ренан вернулся в Коллеж де Франс, чтобы возглавить там кафедру гебраистики, т. е. древнееврейского языка и словесности, и оставался в этой должности до конца жизни.

Еще в 1856 году Ренан был избран членом Академии надписей и изящной словесности, а в 1878 году вошел в вождеденный «сонм бессмертных» — Французскую Академию. Одновременно росла и его международная известность: с его трудами знакомились в разных странах как в оригинале, так и в переводах, они рецензировались в журналах и изучались специалистами.

В России деятельностью Ренана заинтересовались довольно рано. Достаточно сказать, что он стал членом-корреспондентом Петербургской академии наук еще в 1860 году. С этого времени его научная продукция начала постепенно входить в русский культурный обиход, но особой интенсивности этот процесс достиг накануне и после первой русской революции, когда в стране ослабевал и в конце концов существенно ослабел цензурный гнет. Труды французского ученого публиковались разными издателями в более или менее удачных переводах, некоторые из них неоднократно перепечатывались, им также охотно предоставляли свои страницы всевозможные журналы. Издавались обширные циклы его работ и отдельные их части, из которых наибольший, хотя и не бесспорный, читательский успех имела «Жизнь Иисуса»; сравнительно часто появлялись сборники его статей и этюдов, критические очерки и речи; увидели свет его воспоминания и художественные произведения — «Калибан» и «Источник юности». Наконец, в 1902–1903 годах в Киеве было выпущено 12-томное собрание его сочинений.²

Что касается восприятия и изучения в России творчества Ренана, то сделано в этом отношении немного.³ Не слишком отчетливо представляем мы себе и его отно-

¹ См.: *Thieme Hugo P. Bibliographie de la littérature française*. Paris, 1933. Т. 2. Р. 594–614.

² См.: ИРЛИ. Собр. Н. Н. Бахтина. Папка 49. Л. 295–301.

³ См., например: *Годлевский С. Ф.* Ренан. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1895; *Штейн Вл. И.* Жозеф Эрнест Ренан // Ренан Ж. Э. Сборник мелких статей и речей. СПб., 1895. С. I–XLI; *Дрондов Г.* Французский позитивизм второй половины XIX века (Ипполит Тэн и Эрнест-Жозеф Ренан): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1962; *Чистякова М.* Лев Толстой и Франция // Лит. наследство. 1937. Т. 31–32. С. 997–998; *Кийко Е. И.* Достоевский и Ренан // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Вып. 4. С. 106–122.

шение к России, и его личные контакты с русскими людьми. Полнее всего освещено общение Ренана с И. С. Тургеневым, к которому он питал чувства глубокого уважения и восхищения: их дружбе и многолетней связи с Полиной Виардо и ее семьей посвящена обстоятельная статья Александра Звигильского «Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо».⁴ Как известно, Ренан, много путешествовавший и повидавший немало стран, никогда в России не был, а с русскими людьми знакомился почти исключительно в Париже. Так, например, о его присутствии на обеде у «одной светлейшей княгини» упоминает в статье-некрологе Ренана, опубликованной в «Вестнике Европы», Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921), видный русский беллетрист, который сам в бытность свою во Франции неоднократно слушал лекции Ренана и даже однажды его посетил.⁵

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится несколько документальных следов этих мемуарных сообщений — два письма Эрнеста Ренана и одна его альбомная запись, публикация которых и составляет основную задачу настоящей заметки.

Адресатом более раннего из этих писем, по всей вероятности, является та «светлейшая княгиня», о которой писал, не называя ее, Боборыкин. Это была княгиня Елизавета Эсперовна Трубецкая, урожденная княжна Белосельская-Белозерская (1832–1907), светская дама, умная и образованная, очень богатая и привыкшая к роскошной жизни, но вместе с тем склонная к занятиям благотворительностью, а также музыкой и литературой. Находясь в России, княгиня обычно проживала в Петербурге или в своем имении Елизаветино, но после смерти мужа в 1854 году обосновалась за границей, по преимуществу в Париже, где стала знаменитостью в первую очередь благодаря своему салону, в котором бывали видные политические и государственные деятели, дипломаты, ученые, писатели и вообще известные люди, включая Ренана.⁶ Публикуемое письмо Ренана является ответом на полученное от княгини приглашение; письмо не датировано и предположительно может быть отнесено к 1870-м годам. Письмо сохранилось в личном фонде Е. Э. Трубецкой:

«Chère princesse,

J'accepte de bien bon cœur. A dimanche. Croyez, chère princesse, à mes sentiments les plus affectueux et les plus dévoués.

Е. Ренан».⁷

Перевод:

«Любезная княгиня,

Охотно принимаю приглашение. До воскресенья! Примите, любезная княгиня, уверение в моих самых сердечных и искренних чувствах.

Э. Ренан».

Кроме того, в альбоме кн. Е. Э. Трубецкой находится сделанная Ренаном 4 декабря 1875 года запись, которая представляет собой плод его долгих раздумий и горестных умозаключений, вызванных современным состоянием нравов и умов:

«Un salon, comme celui de la princesse, où toutes les opinions se rencontrent et s'expriment librement, est surtout utile dans un temps troublé comme le nôtre, où les personnes les plus dignes de sympathiser ensemble se tournent le dos comme des ennemis

⁴ Zviguilsky A. Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1992. № 16. P. 7–35. Текст статьи предваряется замечательной прощальной речью Ренана «Adieu à Tourguénéff», произнесенной им на Северном вокзале Парижа перед отправлением поезда с останками писателя в Петербург (Ibid. P. 3–5).

⁵ Боборыкин П. Д. За полвека. Мои воспоминания // Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. [М.], 1965. Т. 2. С. 430–432.

⁶ См.: Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 354–355.

⁷ ИРЛИ. Ф. 311. № 23. Л. 183.

faute de le connaître et d'avoir bien compris qu'on peut tendre au même but par des voies différentes. Heureux qui contribue à la paix des esprits!

Е. Ренан

4 décembre 1875».⁸

Перевод:

«Такой салон, как салон княгини, где все мнения встречаются и свободно выражаются, особенно полезен в столь беспокойное время, как наше, когда люди, более дружных созданные для того, чтобы совместно чему-либо сочувствовать, поворачиваются друг к другу спиной, как враги, поскольку об этом не знают и совершенно не поняли, что можно идти к одной и той же цели разными путями. Счастлив тот, кто способствует мирному сосуществованию умов!

Э. Ренан

4 декабря 1875 года».

Наконец, в фонде П. Д. Боборыкина, хранящемся также в Рукописном отделе Пушкинского Дома, находится адресованное ему письмо Ренана, отправленное в ответ на его просьбу о встрече:

«Paris, 7 juin 1885.

Monsieur,

Lundi et mardi, vous êtes assuré de me trouver toute la journée.

Veillez agréer l'assurance de mes sentiments les plus dévoués.

Е. Ренан».⁹

Перевод:

«Париж, 7 июня 1885.

Сударь,

В понедельник и вторник вы наверняка застанете меня в течение всего дня. Соболаговолите принять уверение в моей совершенной преданности.

Э. Ренан».

Об этом посещении «великого писателя», как он не раз называл Ренана, Боборыкин подробно рассказал в уже цитированных воспоминаниях. «На мою записку о позволении навестить его, — писал Боборыкин, — он ответил тотчас же и просил меня к себе в квартиру, помещавшуюся во втором этаже здания Collège de France, в дообеденный час». Впрочем, письмо Ренана он, скорее всего, изложил по памяти, поскольку ни о каком ограничении времени их встречи там нет ни слова. «Помещение это, — продолжал Боборыкин, — состоит из ряда высоких, несколько узковатых комнат, почти сплошь заставленных тогда шкафами с книгами. Вторая или третья комната служила ему кабинетом, где он сидел у стола, прислоненного к окну. <...> У меня не было ни малейшего намерения „интервьюировать“ его, но разговор, затянувшийся на добрый час, коснулся целого ряда литературных идей и задач <...>. Необычайно благородный и мягкий тон не мешал нисколько Ренану высказываться по каждому вопросу совершенно ясно, в полном соответствии с тем, что он считал правдой и красотой, чего желал для своей родины, над чем работал весь свой век. <...> И вот эта-то работа, громадная, на две трети сухая по своим материалам, но облакаемая им в обаятельную форму, как бы сквозила чрез все поры его головы».¹⁰

Беседа с Ренаном в его кабинете произвела на Боборыкина большое впечатление, и он не забывал о ней до конца своих дней; об этом примечательном эпизоде его парижской жизни напоминал ему и связанный с этим визитом автограф французского ученого, который он бережно хранил в своем личном архиве.

⁸ Там же. № 36. Л. 26.

⁹ Там же. Ф. 29. Оп. 1. № 120.

¹⁰ Боборыкин П. Д. Воспоминания. Т. 2. С. 430–431.

Петр Романович Заборов

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Piotr Romanovich Zaborov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5135-021X

p.zaborov@gmail.com

**Э. РЕНАН И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА
(ПО РУКОПИСНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

**E. RENAN AND HIS RUSSIAN CONNECTIONS
(BASED ON MANUSCRIPTS)**

В сообщении приводятся три хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома автографических текста выдающегося французского ученого-гуманитария Эрнеста Ренана (1823–1892), среди знакомых и друзей которого было немало мыслящих русских людей. В данном случае это были хозяйка известного парижского салона княгиня Е. Э. Трубецкая и видный писатель и мемуарист П. Д. Боборыкин.

Ключевые слова: Э. Ренан, П. Д. Боборыкин, кн. Е. Э. Трубецкая, салон, гебраистика, русско-французские связи.

The report quotes the three autographs by Ernest Renan (1823–1892), an outstanding French scholar in humanities, from the Department of Manuscripts, Pushkinskij Dom; Renan had multiple friends and acquaintances amid the Russian intellectuals. Those implied here were E. E. Trubetskaya, the hostess of a well-known salon in Paris, and P. D. Boborykin, a notorious writer and memoirist.

Key words: E. Renan, D. Boborykin, Countess E. E. Trubetskaya, salon, Hebrew studies, Russo-French connections.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985.
2. Боборыкин П. Д. За полвека. Мои воспоминания // Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. [М.], 1965. Т. 2.
3. Годлевский С. Ф. Ренан. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1895.
4. Дрондов Г. Французский позитивизм второй половины XIX века (Ипполит Тэн и Эрнест-Жозеф Ренан): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1962.
5. Кийко Е. И. Достоевский и Ренан // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Вып. 4.
6. Чистякова М. Лев Толстой и Франция // Лит. наследство. 1937. Т. 31–32.
7. Штейн Вл. И. Жозеф Эрнест Ренан // Ренан Ж. Э. Сборник мелких статей и речей. СПб., 1895.
8. Zviguilsky A. Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1992. № 16.

References

1. Alekseev M. P. Russkaia kul'tura i romanskii mir. L., 1985.
2. Boborykin P. D. Za polveka. Moi vospominaniia // Boborykin P. D. Vospominaniia: V 2 t. [M.], 1965. T. 2.
3. Godlevskii S. F. Renan. Ego zhizn' i nauchno-literaturnaia deiatel'nost'. SPb., 1895.
4. Drondov G. Frantsuzskii pozitivizm vtoroi poloviny XIX veka (Ippolit Ten i Ernest-Zhozef Renan): Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. L., 1962.
5. Kiiko E. I. Dostoevskii i Renan // Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. L., 1980. Vyp. 4.

6. Chistiakova M. Lev Tolstoi i Frantsiia // Lit. nasledstvo. 1937. T. 31–32.
7. Shtein Vl. I. Zhozef Ernest Renan // Renan Zh. E. Sbornik melkikh statei i rechei. SPb., 1895.
8. Zvigilsky A. Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1992. № 16.

Сергей Леонидович Фокин

профессор кафедры романо-германской филологии и перевода СПбГЭУ;
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Sergey Leonidovich Fokin

Professor, St. Petersburg State University of Economics;
Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-4853-985X

serge.fokine@yandex.ru

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ПЕРЕВОДЫ, АНТИПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕПЕРЕВОДЫ

THE BROTHERS KARAMAZOV IN FRENCH: TRANSLATIONS, ANTI-TRANSLATIONS, RE-TRANSLATIONS

В центре этой работы — проблемы переперевода литературного текста, т. е. нового перевода произведения, уже существующего в принимающей культуре в переводах, выполненных на предыдущих этапах литературной эволюции. Лексема «переперевод» может ввести в заблуждение, если понять ее как обозначение переделки существующего перевода. В действительности речь идет об одном из ключевых понятий теории литературного перевода нового столетия, значение которого передается в следующем девизе: если XX век был веком перевода, то XXI век наступил как век переперевода, т. е. создания и обоснования новых переводов классических произведений мировой литературы. Эти общие рассуждения поверяются в историческом анализе конкретной ситуации, в которой оказался во французской культуре роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в связи с появлением нового перевода, вышедшего в свет 9 ноября 2023 года в Париже в издательстве «Gallmeister».

Ключевые слова: перевод, антиперевод, переперевод, Достоевский во Франции, А. Маркович, французские переводчики русской классической литературы.

The article focuses on the problems of re-translation of a literary text, i. e. on a new translation of a work that already exists in the host culture in translations, made at the previous stages of literary evolution. The lexeme *re-translation* might seem misleading, if understood as a reworking of an existing translation. In fact, what is discussed here is one of the key concepts in the theory of literary translation of the new century, with its meaning conveyed in the following motto: *while the 20th century was the century of translation, the 21st is the century of re-translation*, that is, of the emergence and justification of new translations of classical works of world literature. These general arguments are substantiated through the historical analysis of a specific situation surrounding Dostoevsky's *The Brothers Karamazov* after the emergence of a new translation, published on November 9, 2023 in Paris by *Gallmeister*.

Key words: translation, anti-translation, re-translation, Dostoevsky in France, A. Markowicz, French translators of Russian classical literature.

Список литературы

1. Багно В. Русский модернизм в переводческих катакомбах и петербургско-ленинградская школа стихотворного перевода // Вопросы литературы. 2022. № 3.